

Русские исповедники просвещения в XVII веке

Соловьев С. М. Чтения и рассказы по истории России. / Сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева; Комм. С. С. Дмитриева и Л. П. Дойниковой.-- М.: Правда, 1989.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Было великое и страшное время в начале XVII века: здоровые силы народа должны были находиться в крайнем напряжении для того, чтоб одолеть многочисленные и тяжкие болезни, поразившие общественное тело; лучшие люди должны были обнаружить всю свою деятельность, и деятельность эта требовалась на разных путях, ибо везде общество сильно нуждалось в свете и в правде.

Общество уже начало подозрительно смотреть на тех людей, от которых прежде исходила проповедь о свете и правде, проповедь словом и делом, ибо часто эти люди омрачали себя делами неправедными, которые даже не скрывались в тьме, но являлись без покрова на белый свет. Лучшим представителям этих людей нужно было много труда, много жертв и страданий, чтобы возвратить к себе доверие общества.

Однажды в Москве, на рынок, где продавались книги, пришел молодой монах, высокий, стройный, красивый. Глаза всех обратились на него, и один из присутствовавших, вспомнив поведение некоторых монахов, обратился к нему с неприличными словами. Монах, вместо того чтоб осердиться, глубоко вздохнул, облился слезами и сказал ему: "Да, брат! я в самом деле такой грешник, как ты подумал обо мне. Бог тебе открыл обо мне правду. Если б я был настоящий монах, то не бродил бы по этому рынку, не скитался бы между мирскими людьми, а сидел бы в своей келии; прости меня грешного, бога ради, в моем безумии". Все присутствовавшие, тронутые этими речами, обратились с криком на человека, который осмелился оскорбить достойного инока, называли его дерзким, невеждою. "Нет, братья! говорил им монах, дерзкий и невежда-то я, а не он; все слова его обо мне справедливы; он послан от бога на мое утверждение, чтобы мне вперед не скитаться по рынку, а сидеть в келии". С этими словами монах ушел; обидчик бросился за ним просить прощения. Этот монах был из Старицкого богородичного монастыря, именем Дионисия.

Скоро опять увидели Дионисия на площадях московских, в сане архимандрита своего монастыря, и тут уже он не говорил, что неприлично было ему, как монаху, показываться среди народа, тут он был на своем месте. Увещевая духовенство, патриарх Гермоген¹ ставил ему в пример Дионисия: "Смотрите, говорил он, на старицкого архимандрита: никогда он от соборной церкви не отлучается, на царских и всемирных соборах всегда тут". Что же это были за всемирные соборы, на которых присутствовал Дионисий? Было тогда время мятежное; Московское государство волновалось именем царевича Дмитрия; от Москвы за 12 верст, в Тушине, стояли поляки и литовцы с русскими ворами, промышляя над сто: лицею. Не только в простых людях, но и в князьях и боярах была шатость большая, разделялись надвое: брат в Москве с царем Василием² в осаде, а другой в Тушине с вором³, отец на Москве, а сын в Тушине, и сходились на битвы сын против отца и брат против брата; а в Москве, народ, собравшись, приходил к царю Василию с шумом, требуя, чтоб отказался от престола. Патриарх защищал царя, Дионисий был подле патриарха и увещевал народ, несмотря на всевозможные оскорбления, которым подвергались увещатели от буйной толпы.

В самое смутное время Дионисий был назначен архимандритом в знаменитый Троицкий Сергиев монастырь. Москва была разорена, казаки неслыханно свирепствовали во всех областях; толпы беглецов с разных сторон устремились к Троицкому монастырю, и страшно было смотреть на них: одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезаны, волосы с голов содраны, руки и ноги обесечены; многие приходили в монастырь для того только, чтоб исповедоваться, приобщиться и умереть; многие не успевали достигнуть и монастыря, умирали на дороге; монастырь, слободы, окрестные деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Дионисий призвал келаря, казначея, всю братию, слуг и крестьян монастырских, и начал им говорить, что во время такой беды надобно изо всех сил помогать людям, которые ищут приюта у святого Сергия. Ему отвечали единогласно: "Кто, государь архимандрит! в такой беде с разумом сберется? Никому невозможно стало промышлять кроме единого бога". Дионисий заплакал и начал опять говорить им: "Ведь это искушение нам от господа бога; от большой осады нас господь бог избавил; а теперь за леность нашу и за скупость может нас и без осады смирить и оскорбить".-- Что же нам делать? спросили келарь, братия и слуги. Дионисий отвечал: "Дом